

обаятельную, редкостную девочку. Однако сколько ещё впереди меня ждало разлук с теми, с кем я хотел бы бок о бок провести всю свою жизнь!

Лопнула струна

Я вернулся с сёстрами домой из Балабановки хотя и ранним, но серым потёмочным вечером, когда на нашу еланскую некрасиво смёрзшуюся землю с прогнувшегося неба кусками падал липучий, мокрый, первый в этом году снег. Закрадывалось за шиворот и на грудь, растекалось, забивало глаза. До ворот добрались, можно сказать, на ощупь. Никто в доме не обрадовался нашему приезду. Мама без движений лежала на нерасстеленной кровати в одежде, в своём неизменном хозяйственном халате, лицо её с призакрытыми глазами было натянутым и бесцветным. Свет во всех комнатах был выключен, лишь из окон сквозь задёрнутые шторы нам серо подсвечивала бледная снеговая мозглость.

– Прибыли? – слабым, подхрипывающим – да она ли сказала?! – голосом спросила мама, не открывая глаза шире, будто не хотела никого и ничего видеть. – Слава Богу, – уже угадал я по её губам. Смотрела мимо нас в пустой, затянутый тьмью угол под самым потолком.

«Опя-а-ать!..» – дёрнулось так, будто на разрыв или рывок, моё сердце. Но что «опять» – я и не хотел, и уже не мог вымолвить.

– Мама выгнала отца, – шепнула мне Люба, потирая пальцами набухшие сухие заплаканные глаза. – Снова задурил... Какой же он непонятный!